

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

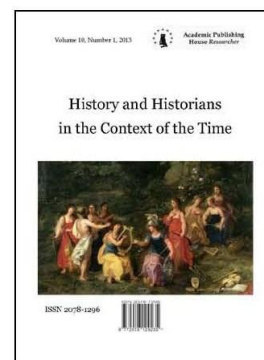
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 14, Is. 1, pp. 51-60, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.14.51

www.ejournal3.com

UDC 93.902

On the Initial Stage of Gathering the Archeological Collections of the Caucasus Museum

Galina N. Volnaya (Kertseva)

North-Ossetian state University. K. L. Khetagurov, Russian Federation
362043, RNO-A, Vladikavkaz, Vatutina street, 46
PhD (History), Associate Professor
E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Abstract

This article was put together based on unpublished materials from the collection of the Caucasus Museum and little-known documentary sources. The author discusses the primary history of the making and development of the Caucasus Museum, which afterwards became the S.N. Dzhnashiyi Museum of Georgia. It has been proven that the Caucasus Museum is still of great interest to the scientific community and tourists alike. The institution's major objective is to explore Caucasus Krai and coterminous countries. The author concludes that the museum still ranks among Russia's top museums and is considered an institution of great significance.

Keywords: archeology; archeological congress; bronze pendants; Caucasus Krai; Caucasus Museum; collection finds; solar amulets; belt buckles; ethnography.

Введение

Сейчас многие кавказские археологические находки волею истории и судеб разбросаны по всему миру и представляют гордость музеев. Богатая коллекция предметов из Центрального и Северного Кавказа храниться в настоящее время в Музее Грузии им. С.Н. Джанашия. Музей Грузии был создан на основе Кавказского музея, одного из первых музеев, созданных в Российской империи.

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали материалы, извлеченные из архивных фондов коллекции Кавказского музея; из фотоархивов Института истории материальной культуры (ИИМК. Инв. №. П42693, П42697, П42698 и др.); из выписок Императорской археологической комиссии; из работ известных российских ученых-археологов: Анучина Д., Берже А.П., Крупнова Е.И., Филимонова Г.Д., Цитландадзе Л.Г., Уваровой П.С. и др.

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, историко-сравнительный метод позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе проследить историю

первоначального этапа сбора археологических коллекций для Кавказского музея. *Метод структурного анализа* был необходим ввиду того, что изучать сложные структуры, не расчлняя их на отдельные составляющие элементы, невозможно. Поэтому он также широко использовался в работе. *Абстрактно-логический метод* дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

Обсуждение

Вопрос об учреждении в Тифлисе Кавказского музея был поднят В.А. Соллогубом 10 мая 1852 года на заседании Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тогда же было постановлено выработать инструкции и программы для лиц, которые пожелали бы принять участие в коллекционировании предметов. Дирекцию музея составили Э.С. Андреевский, граф В.А. Соллогуб, и К.М. Чермак. Графа Соллогуба заменил в 1855 г. И.А. Бартоломей. Князь М.С. Воронцов пожертвовал коллекцию драгоценных Керченских древностей. Предложение было принято сочувственно, но устройство музея подвигалось очень медленно. С 5 мая 1856 г. музей был открыт для публики. В том же году барон И.А. Вревский подарил несколько очень интересных древностей, найденных в верховьях р. Валерик (Чечня), а генерал В.А. Бебутов – древности с р. Лабы. Затем о пожертвованиях более не упоминается. Интерес к делу остыл. В 1861 г. дирекция музея распалась, коллекции остались без присмотра, затерялись или попортились [1].

Ускорили создание музея ряд факторов:

- во-первых, завершение кавказской войны выдвигало на первое место устройство путей сообщения – сухопутных, речных, морских. В 1858 г. А.И. Барятинский инспектирует строительство Военно-Имеретинской дороги, в 1859 г. он проехал по строящейся Военно-Грузинской дороге, а позднее по долине р. Ардон [2]. Это приводит к открытию первых археологических памятников на Кавказе.

- во-вторых, создание Императорской Археологической Комиссии в 1859 г., совпавшее с рядом внешнеполитических и внутривосточных событий, так или иначе влиявших на положение на Кавказе и способствовавших его изучению.

- в-третьих, для богатого ботанического, зоологического и этнографического материала, собранного Г.И. Раде на Кавказе нужно было помещение, где можно было бы все это разместить и хранить в должном порядке.

При помощи А.П. Берже и при благосклонном содействии барона А.П. Николаи 2 июня 1865 г. проект учреждения Кавказского музея в самых скромных размерах был утвержден Кавказским наместником Великим Князем Михаилом Николаевичем, а 28 июля 1865 г. вышел Указ Александра II «Об утверждении положения о Кавказском музее в Тифлисе» [3].

В шестидесятых годах, с покорением Западного Кавказа, когда окончилось преобладание военной деятельности в крае, началось собственно устройство музея, под руководством опытного и талантливого директора его, доктора Г.И. Раде. С большой энергией и с живым интересом взялись теперь снова за это дело Раде и Берже. Сначала для этой цели было нанято частное помещение в доме Цовьянова на Сергеевской улице. Но оно оказалось слишком тесным. Уже во время торжественного открытия музея в присутствии Наместника Кавказского Великого Князя Михаила Николаевича, 2 января 1867 г., Г.И. Раде заявил об этом и указал на возможность постройки соответствующего здания вблизи публичной библиотеки в Александровском саду и о соединении этих зданий порталом и галереей. Этот план Г.И. Раде был впоследствии приведен в исполнение, но в другом месте и в несколько измененном виде. Цель, которую поставили перед музеем, стал сбор материалов о Кавказе [4].

Наместником Кавказа Великим Князем Михаилом Николаевичем был утвержден штат музея. С 1 сентября 1870 г. в казенном здании (ныне разрушенном) строится новое здание на том же месте, против дворца. С этого времени музей стал быстро обогащаться самыми разнообразными предметами, собранными Г.И. Раде во время его многочисленных путешествий по Кавказу и Закаспийской области, а также частными пожертвованиями, предметами, переданными в музей пятым археологическим съездом в Тифлисе, в 1883 г. и с кавказской выставки, бывшей в Тифлисе в 1889 году.

В 1867 г. в Кавказский музей попадают бронзовый котел из ст. Старогладковской на ножке с двумя ручками и двумя зооморфными фигурками [5], а в 1868 г. три бронзовые пряжки Рачинского типа из с. Саэлио [6].

В связи с возросшим интересом к памятникам древней истории Закавказья, в Тифлисе в октябре 1871 г. был организован Кавказский археологический комитет, в 1873 г. реорганизованный в Тифлисское общество любителей Кавказской археологии. В ноябре 1872 г. вышел журнал «Кавказская», издаваемый А.Д. Ерицовым [7]. Всё это способствовало развитию Кавказского музея.

В 1869 году весенний паводок р. Гизельдон произвёл обвалы левого берега у с. Верхний Кобан, благодаря чему местные жители обнаружили здесь многочисленные каменные ящики (могилы) с человеческими скелетами и множество бронзовых вещей. Влиятельный в этих краях землевладелец Х. Кануков собрал некоторые предметы и переправил их в Кавказский музей Тифлиса (Тбилиси). Но находка на долгие годы неподвижно осела в запасниках Кавказского музея. В 1876 году в Тифлисе на древние артефакты обратил внимание приехавший из Москвы археолог и историк искусства Г.Д. Филимонов. В 1877 году он сам произвел раскопки у аула Кобан и убедился в существовании обширного могильника. Вслед за ним целый ряд исследователей посещали Кобан. Например, российский исследователь В.Б. Антонович. Но в основном здесь проводили свои исследования зарубежные учёные. В 1880 году здесь работали француз Эрнест Шантр и немец Рудольф Вирхов, ставшие первыми авторами книг о кобанских древностях в западноевропейской науке. Артефакты, подобные кобанским, стали обнаруживаться и в некоторых других местах.

Филимонов добивается средств для проведения первых раскопок у селения Верхний Кобан и одновременно начинает широкую разведку и закладку раскопов у селения Казбеги вблизи Военно-Грузинской дороги, где во время шоссежных работ были найдены бронзовые изделия, похожие на те, что были собраны Х. Кануковым [8]. Еще в 1835 г. в районе ст. Казбек был обнаружен ритон греко-ахеменидского облика в виде головы быка и сценой сражения в верхней части [9].

В 1884 г. Д. Анучин пишет о том, что первобытные древности Кавказа обратили на себя внимание лишь в недавнее время. На V археологическом съезде в Тифлисе, в сентябре 1881 года были серьезно затронуты многие из относящихся сюда вопросов. Впрочем, первые находки, вызвавшие эти вопросы, были сделаны ранее, именно Г.Д. Филимоновым в 1877 г., и еще ранее, в начале семидесятых годов Ф.С. Байерном, которому вообще принадлежит честь почин в деле исследования доисторических могильников Кавказа. Значительная часть археологических коллекций, принадлежавших прежде обществу любителей кавказской археологии и поступивших потом в Тифлисский музей, была собрана Ф.С. Байерном. К более поздней эпохе, сравнительно с могильником у Редкина лагеря и нижним этажом Самтаврского, относит Ф.С. Байерн находки у Степан Циминда близ Казбека. Что касается Степан-Циминда, то слух о находках там древностей появился по словам Ф.С. Байерна, еще в 1852 г. Занимаясь в течение этого года собиранием коллекций минералов, растений и животных, Ф.С. Байерн прожил 19 дней на станции Казбек, и здесь ему рассказали, что при рытье фундамента для казачьего поста и стены вокруг станции найдены были рабочими разные курьезные бронзовые фигурки и золотые вещи, между прочим один маленький золотой бык. Видеть что-нибудь из этих вещей Ф.С. Байерну однако не удалось, так как они были распроданы рабочими, сам начать раскопки Ф.С. Байерн не предполагал, ибо тогда занимался почти исключительно естественной историей, и, кроме того, не располагал для этого и достаточными средствами. Затем до 1881 года не было слышно ничего о новых находках, но в этом году начали проводить здесь новое шоссе и при нивелировании дороги около небольшой часовни Степан-Циминда (церковь св. Стефана) открыли многие гробницы, относящиеся, по словам Ф.С. Байерна, к той же эпохе, как и верхний этаж Самтаврского могильника. Кроме того, в одном месте, прямо в земле (не в гробницах) попалось еще много бронзовых вещей, которые, однако, тоже пропали бесследно для науки и были распроданы рабочими приезжим и во Владикавказ. Только одна статуэтка длиной около 4 дюймов, досталась начальнику Душетского округа, который потом подарил ее Ф.С. Байерну: это было изображение Приапа. В 1872 году Ф.С. Байерн отослал ее, вместе со многими вещами, добытыми при раскопках Самтаврского могильника, в Императорский Эрмитаж. В 1876 г. Хатисов пожертвовал Обществу любителей Кавказской археологии

коллекцию вещей, добытых их той же местности, отчасти при раскопках, произведенных сыном покойного генерала Казбека (наследникам, которого принадлежит дом и земля около станции), отчасти приобретенных от местных жителей. Большая часть вещей, по словам Ф.С. Байерна, происходит из могил, но в их числе есть и из упомянутого выше скопления бронзовых вещей или клада, не имеющего, по-видимому, ничего общего с могилами, которые относятся к более поздней эпохе. Так как все эти бронзовые вещи, доставленные Хатисовым, были более или менее поломаны, то Ф.С. Байерн пришел к заключению, что в данном случае следует предполагать клад того типа, который французские археологи называют «сachettes», то есть, собрание вещей, приобретенных каким-нибудь скупавшим лом древним торговцем и им зарытых до времени в безопасном месте, в пользу чего говорит и нахождение клада близ большой дороги через перевал.

Внимание Филимонова было обращено на эту местность тем фактом, что в марте 1874 г. в заведомое им отделение древностей при Московском публичном музее принесены были в дар одним скромным жертвователем две небольшие бронзовые дугообразные фибулы, найденные при разработке шоссейной дороги близ Казбекской станции и приобретенные от содержателя буфета на этой станции. На другой год после поступления указанных фибул в музей, Филимонов проездом через Казбекскую станцию, успел приобрести из того же источника еще несколько подобных фибул, и затем в следующем году увидел такие же фибулы в шкафах Кавказского музея в Тифлисе. Последние фибулы, как он узнал, были найдены не возле Казбека, а в Тагаурских горах Осетии, в селении Кобан. Возвращаясь из Тифлиса в Москву в 1876 г. Филимонов условился с владельцем Казбекского могильника относительно его раскопок летом следующего года.

В 1877 г. отправившись на Кавказ, по поручению комитета антропологической выставки Филимонов остановился на Казбекской станции и приступил к раскопкам около того места, где ранее, по словам местных жителей, находили вещи. Первые находки были сделаны в 1877 г. рабочими при проложении шоссе; после чего Императорское Московское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии поручило Г.Д. Филимонову осмотреть местность и произвести раскопки [10].

Первые обстоятельные раскопки в этом месте были произведены лишь в 1877 г. Г.Д. Филимоновым, отправившимся для археологических изысканий по поручению и на средства комитета Московской антропологической выставки. Из расспросов оказалось, что прежде дорога пролегла по самому двору дома генерала Казбека, после же ее отвели ближе к Тереку, и Казбек воспользовался этим случаем, чтобы увеличить свой двор, поставив каменную ограду со стороны дороги, идущей сажени на три ниже площадки двора. Филимонов выбрал место на дворе, отступя на сажень от каменной ограды, где и заложил траншею около 10 аршин (7,112 м) длиной и 2 аршина (1,422 м) шириной. Пришлось сперва поднять каменную настилку двора, затем копать в земле, по-видимому, насыпной и смешанной с камнями. На глубине одного аршина (0,7112 м) «прямо среди земли и камней», блеснула сканная серьга, затем золотая бляшка и бусина из стеклянного сплава. Далее показались обрывки бронзовой цепочки, можно было ощупать целую твердую массу металлических «веществ». Дело клонилось к вечеру, и нужно было возможно скорее выбрать оказавшиеся вещи. Г.Д. Филимонов мог только рассмотреть, что некоторые вещи, именно бронзовые идолы, лежали в серебряной чаше и были перевязаны бронзовыми цепочками, и что, кроме этой вазы, был еще медный горшок, также наполненный вещами и два медных кувшина. Отобрав вещи и принужденный из-за темноты закончить работы, Г.Д. Филимонов распорядился завалить яму камнями и поручить старшине селения и другим лицам наблюдать за её целостью в течение ночи. Приступив к раскопкам на другой день, пришлось, однако убедиться, что дело не обошлось без хищнических раскопок ночью, что доказывалось и фактом предложения мальчишками подобных же, только разломанных вещей. Филимонов снова расчистил яму и прокопал её вглубь еще на аршин (0,711 м.), но никаких вещей уже не встретил. Пришлось довольствоваться тем, что было найдено накануне и что, во всяком случае, составило весьма ценную коллекцию. Среди вещей оказались: двадцать одна бронзовая дугообразная фибула, в том числе восемь весьма большого размера; бронзовые пластинчатые и проволочные браслеты, треугольные подвески и прорезные пряжки и бляхи; какие-то клыкообразные бронзовые пластины, бронзовые колокольчики, щипцы, спиральные трубки и цепи; золотая серьга, сердоликовые

и глиняные бусы; бронзовые фигуры оленей; репы (умбоновидные привески В.Г.) с изображением лошадиных голов и фигур горных баранов (туров), а также с изображением всадников, навершия с головами туров, из коих на одном помещена литая группа, изображающая человека, отрезающего кривым ножом голову другого человека, а на другом, из трех рядов голов – обнаженная человеческая фигурка, держащая в правой руке молот (молоток такой же формы, только без рукоятки, вероятно деревянной, оказался и в числе орудий); два идола, оба обнаженные, но в ермолках и с поясами, один, кроме того, в сапогах; у обоих половые члены в эрекции, но означены выпуклостями и груди; на задних частях и лопатках одного идола спиральный узор. Из оружия были найдены остатки длинного железного меча и нескольких кинжалов, остатки бронзового наконечника и несколько срединных частей от ножен меча, бронзовые рукояти железных мечей и бронзовый молоток (также фрагменты железных копий и удила). Особенный интерес представляла серебряная чаша средней величины, с выбитым орнаментом в виде раковины и симметрично расположенным двуглавым драконом; в одном месте на ней оказалась надпись, вырезанная из пяти знаков, напоминающих букву Ч; кроме того, были найдены еще фрагменты бронзовых сосудов, крышка от сосуда и обломки дужек или ручек.

По мнению Г.Д. Филимонова, он нашел здесь подпочвенный (грунтовой) могильник, в котором вещи от неоднократного перекапывания его для различных сооружений, отчасти оказались сдвинутыми из своего первоначального положения. Никаких действительных следов могильника Филимонов, однако, не встретил, и нахождение массы вещей в одном месте (без признаков костей около них) указывало скорее на клад. Для проверки противоречивых слухов об этой находке Ф.С. Байерн (не имевший, однако возможности видеть сами вещи, найденные Филимоновым) решил в следующем 1878 г., произвести новые раскопки в той же местности. На что ему после нескольких затруднений удалось получить разрешение от госпожи Казбек, но при условии рыть в том же месте, где копал и Филимонов. В этой яме Ф.С. Байерн нашел еще несколько предметов: колокольчики, цепочки, бусы, а углубившись до 9 футов (274,32 см), напал на родник чистой воды и вынужден был копать в слое мокрой глины, в котором отыскание вещей было весьма затруднительно. Тем не менее, ему удалось все-таки из слипшихся комков грязи извлечь несколько золотых вещей (золотую сканную серьгу, бляшки или привески к ожерелью в виде голубков и др.), также две бронзовые головки баранов, бронзовые уплощенные пластины (по мнению Ф.С. Байерна – часть сбруи), браслеты, перстни, дугообразные фибулы, фрагменты железных копий и удила, разнообразные бусы, глиняные сосуды, фрагменты серебряных украшений и т.д. На дне ямы он наткнулся на большую плиту из филлита (кристаллического сланца), которую, однако, за глубиной ямы и скоплением воды, поднять не удалось. Проработав дня два в сырую погоду, Ф.С. Байерн схватил лихорадку и должен был ехать в Тифлис.

Сообразно данным Ф.С. Байерна пришёл к заключению, что характерные вещи, находимые у Степан Цминда, происходят не из могил (которые, может быть, также имеются поблизости), но от жертвенных приношений предметами культа. По его мнению, в этом месте некогда существовал бассейн воды, который впоследствии был занесен лавиной из грязи и камней, сползших с соседнего холма. Около бассейна находился по всей вероятности, храм Приапа (место которого заняла церковь святого Стефана), куда собирались для поклонения, при чем в бассейн бросались, в виде жертв, различные более или менее ценные предметы. Нахождение значительного числа бронзовых колокольчиков, особенно укрепило в этом мнении Ф.С. Байерна, так как подобные колокольчики, по его словам, приносились и в позднейшее время в христианские уже храмы. Гора Казбек (Шайтван-Цвери) и теперь пользуется ореолом святости у местных жителей, посещающих в известные дни древнюю христианскую церковь на соседнем возвышении. И во всех церквях поблизости от этой горы можно найти различные колокольчики, бубенчики и т.п. одни более древнего типа и византийской работы, другие – позднейших эпох, железные или медные из (латуни), в том числе и новейшие русской работы. Ф.С. Байерн был склонен думать, что в бассейн бросались только украшения и религиозные эмблемы; что оружие не было предметом жертвы, и что найденные в незначительном числе железные наконечники копий и т.п. происходят из поверхностных слоев и относятся уже к позднейшей эпохе.

По времени он относит к эпохе между Киром и Дарием или даже к ассирийскому периоду [11].

Л.Г. Цитланадзе описывает, что во многих местах горной части Центрального Кавказа сохранились святилища (молельни), которые местные жители называют Хати. Они представляют собой выложенную сухой кладкой нишу, где помещалась икона, украшенная рогами животных и колокольчиками. По верованиям горцев, в этих святилищах обитали божества. У каждого рода было свое Хати. Но существовали Хати общие для всего Хеви.

Хати имело свое движимое и недвижимое имущество: землю, лес, скот и др. Тут же находились разные архитектурные строения, связанные с Хати: для хранения продуктов, для обслуживающего персонала, для паломников. Особенно много приношений получал Хати в дни праздников. Среди даров были и предметы личного пользования. Во время праздника св. Ломиса, люди, давшие обет Хати, выполняли разнообразные ритуалы. Одни с цепью на шее ходили вокруг здания, другие носили железную обувь или железный обруч на шее. После окончания обрядов, эти предметы оставались в Хати. Там же хранились флажки, принесенные паломниками, колокольчики оит жертвенной скотины и рога животных. Таким образом, постепенно создавался клад Хати, за которым следили его служители: хевисбери и деканози. Когда кладу угрожала опасность расхищения, его переносили и укрывали в надежном месте [12].

Казбекский клад представлял собой комплекс бронзовых, серебряных и железных предметов (около 200 шт.). Датированными вещами являются серебряные чаши и фигурка барана, выполненные в стиле ахеменидского искусства VI–V вв. до н.э. Бронзовые сосуды, фибулы, фигуры оленей, фаллические изображения человека, навершия, рукоятки, бронзовые пояса, железные мечи, копыя и удила относятся к позднему этапу культуры кобанской. Казбекский клад связан с религиозным культом древних племён Кавказа. Основная часть клада хранится в Государственном Историческом музее (Москва), другая — в Государственном музее Грузии (Тбилиси). Открытие Казбекского клада получило большой резонанс в археологической науке конца XIX – начала XX в. [13].

Г.Д. Филимонов не нашел могильника, а попал на клад, состоящий из значительного количества бронзовых вещей, сложенных в серебряные и медные сосуды, обмотанных бронзовыми цепями. Большая часть клада передана Г.Д.Филимоновым Московскому Университету, а впоследствии Российскому Историческому музею в Москве. Впоследствии расхищенные предметы были приобретены частными лицами и Тифлиским Обществом Любителей Археологии, которое передало свои коллекции Тифлисскому Музею [14]. В Кавказский музей попала часть предметов кобанской культуры, собранных Г.Д.Филимоновым в ауле Казбек в Осетии [15].

В 1902 г. П.С. Уварова в томе V (Археология) издания «Коллекции Кавказского музея» публикует находки со ст. Казбек с описанием истории раскопок [16].

Среди казбекских находок мы видим множество зооморфных бронзовых изображений. Они представлены отдельными фигурками или же являются украшением какого-либо предмета: набалдашников, блях и др. Техника передачи их форм разнообразна. Они представлены в виде массивных круглых скульптур или рельефных и плоских изображений. Во всех случаях передана местная фауна, причем чаще всего встречается баран и олень, которым придавалось культовое значение. Инвентарь Казбекского клада включает в большом количестве предметы конского убранства, в частности пластины с изображением животных. Автор раскопок Г.Д.Филимонов считал, что открыл грунтовое погребение, разрушенное во время строительных работ. К тому же на той же территории позднее были обнаружены каменные ящики и ряд предметов характерных для погребений VI, V, IV в. до н.э., которые могли относиться к разрушенному могильнику... Некоторые предметы Казбекского клада имеют более архаичный вид (X–VIII вв. до н.э.). Остальной материал довольно точно датируется в основном VI–V вв. до н.э. [17]. В.И. Козенкова [18] датирует Казбекский клад VI в. до н.э., относя его к центральному варианту кобанской культуры. По мнению В.И. Козенковой, Казбекский клад представляет собой накопление, связанное со святилищами.

Во время подготовительных работ к Тифлисскому Археологическому Съезду в той же местности работали в 1879 г. граф и графиня Уваровы, В.Б. Антонович, К.И. Ольшевский,

А.М. Казбек и Ф.С. Байерн. В Музей поступила часть вещей, добытых исследователями в 1879 г., во время которых был найден могильник и вскрыто 3 могилы [19].

Судя по фотографиям планшетов, в Тифлисский музей попадает часть бронзовых вещей собранных в окрестностях Владикавказа [20]. Среди них: топоры колхидо-кобанского типа (3 экз.), 1 топор закавказского типа с широкой лезвийной частью, пластинчатая пряжка с 2 ромбами и изображением трех фигурок хищников, фибула в виде фигурки хищника, арбалетовидная фибула, проволочный браслет, пластинчатый, булава с подпрямоугольным навершием, браслет, клинок кинжала, привеска в виде головы козла. В Тифлисский музей также попадают бронзовые предметы из Хевсуретии: навершия булавок или жезлов в виде фигурок оленей, пластинчатые браслеты, поясная пряжка «бежтинского типа», булава с четырьмя протомами хищников, антропоморфная фигурка, уплощенный ромбовидный наконечник стрелы и др. [21], из Кобана – предметы относящиеся к кобанской эпохе: бронзовые привески в виде голов козлов (4 экз.), бронзовый ажурный колокольчик, пластинчатая поясная пряжка, булава и предметы относящиеся к эпохе раннего средневековья: зеркала (3 экз.), солярные амулеты-привески (2 экз.), поясные пряжки (2 экз.), проволочные браслеты (4 экз.) и др. фрагменты предметов [22]. В Кавказский Музей попали также коллекции из Дигории [23].

Особую роль в истории изучения Кавказа и всей российской археологии сыграл V археологический съезд в Тифлисе 8–21 сентября 1881 г. [24]. Кавказский музей предстал перед этим съездом в обновленном и увеличенном виде. Г.М. Радде был избран Председателем подготовительного комитета. Наместник Кавказский Великий Князь Михаил Николаевич поручил в 1879 году директору Музея и архитектору Зальцману представить ему планы и сметы расширения зданий для рассмотрения.

Хотя коллекция Кавказского музея росла, что видно из ежегодных отчетов Г.М. Радде, но каких-либо важных перемен в нем с 1881 года не происходило. Об этом заявляет сам Г.М. Радде в «Истории Кавказского Музея», изданной им в 1892 году к 25 летнему юбилею Музея, также как и в кратком путеводителе по Кавказскому Музею (1895 г.) [25]. В этот период археологические коллекции были размещены в 14 шкафах и 15 витринах, многие предметы были выставлены открыто. Монет насчитывалось до 2500. В определении этих предметов принимали участие академик Броссе, затем Grimm, барон Тизенгаузен, Иверсен, князь Гагарин, Бартоломей, Брюнинг, Берже и Комаров. Хорошими советами в определении периодов найденных вещей Музей обязан графу и графине Уваровым, Шантру, Вирхову, Моргану, Вейсбаху, Иванову и др. Начало этому отделу было положено приобретением коллекций фон Байерна, собранных им при раскопках в Самтавро, Редкином лагере и у Казбека. Пополнили эти коллекции V Археологический съезд, бывшее Археологическое общество, а также многие частные лица [26].

На V Археологическом съезде археолог граф А.С. Уваров особо отметил находки из Кобана, дал им развернутую характеристику и предпринял попытки датировки (началом I тыс. до н.э.). Этот съезд вызвал развитие исторических исследований на Кавказе и привлек внимание научных кругов к кобанским древностям, в том числе и хранящимся в Кавказском музее.

В составе Кавказского музея были открыты отделы этнографии и археологии. 8 мая 1884 г. был опубликован Указ Александра III. «О новом штате Кавказского музея и Публичной библиотеки в Тифлисе: об увеличении сметы этих учреждений с 8400 руб. до 12950 руб.». Среди главных статей расхода музея были указаны – «научные потребности», «ученые экспедиции» [27].

Так как для обработки археологического отдела на Кавказе нельзя было найти подходящего специалиста, то предложение известной в науке графини П.С. Уваровой принять этот труд на себя, может быть названо особенно счастливым случаем. Она начала работу в Тифлисе в феврале и закончила ее в мае 1902 г. Г.И. Радде ходатайствует перед графиней, председателем Московского Археологического Общества, о ежегодном ассигновании 2000 рублей на вознаграждение одного консерватора с историко-филологическим образованием, которому можно было бы поручить руководство всеми дальнейшими раскопками на Кавказе. К сожалению, сумма эта не была ассигнована, средств же Кавказского Отделения Археологического Общества не хватало на производство раскопок в больших размерах в этом крае [28].

Заключение

В путеводителе 1913 г. «Тифлис и его окрестности» дается высокая оценка музею в Тифлисе: «Кавказский музей, бесспорно, представляет громадный интерес, как для людей науки, так и для туристов. Цель его учреждения – способствовать исследованию Кавказского края и прилегающих к нему стран. В этом отношении музей считается одним из лучших в России и очень важным учреждением» [29].

Примечания:

1. Коллекции Кавказского музея. Том VI. Ч.I. Автобиография Г.М. Радде. Тифлис, 1912. С. 77.
2. Императорская археологическая комиссия. 1859–1917. СПб., 2009. С. 663.
3. Блейх Н.О. Роль просветительских организаций в развитии школьного образования на Северном Кавказе в конце 19 – начале 20 в. // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. Волгоград, 2014. Вып. 1 (26). С. 217-219.
4. Коллекции Кавказского музея. Том VI. Ч.I. Автобиография Г.М. Радде. Тифлис, 1912. С. 77.
5. Фотоархив ИИМК. Инв. № П42693.
6. Фотоархив ИИМК. Инв. №. П42696, П42697, П42698.
7. Императорская археологическая комиссия. 1859-1917. СПб., 2009. С. 663.
8. Крупнов Е.И. Кобанская бронза // Вокруг Света №1 (2532). Январь. 1970. С. 13-14.
9. Фотоархив ИИМК. 15. №П 49987.
10. Коллекции Кавказского музея. Том V. Археология. Тифлис, 1902. С. 12.
11. Анучин Д. Доисторическая археология Кавказа // Журнал Министерства народного просвещения. Январь 1884. Т. V. 581. С. 201-237.
12. Цитланадзе Л.Г. Археологические памятники Хеви (Казбекский клад). Тбилиси, 1976. С. 112.
13. Филимонов Г.Д. О доисторической культуре в Осетии // Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 1879. т. 2, М., 1878. С.79; Chantre E. Necropoles prehistoriques du Caucase renfermant des cranes macrocephales // Matériaux pour l'histoire de l'homme. 2 serie. Том XII. 1881. Р. 453-466; Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. С. 139-155; Tallgren A.M. Caucasian monuments. The Kazbek treasure // Eurasia septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1930 и др.
14. Коллекции Кавказского музея. Том V. Археология. Тифлис, 1902. С.12.
15. Фотоархив ИИМК. Инв. № Q.506/7.
16. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. С. 139-155.
17. Цитланадзе Л.Г. Археологические памятники Хеви (Казбекский клад). Тбилиси, 1976. С. 108, 109, 111, 113.
18. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996. С. 90.
19. Коллекции Кавказского музея. Том V. Археология. Тифлис, 1902. С.12.
20. Фотоархив ИИМК. Инв. № Q506.38
21. Фотоархив ИИМК. Инв. № Q.506.52.
22. Фотоархив ИИМК. Инв. № Q.506.40.
23. Коллекции Кавказского музея. Том V. Археология. Тифлис, 1902. С. 19.
24. Императорская археологическая комиссия. 1859-1917. СПб., 2009. С. 663.
25. Коллекции Кавказского музея. Том VI. Ч. I. Автобиография Г.М. Радде. Тифлис, 1912. С. 116.
26. Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. // Записки Общества любителей Кавказской археологии. Пятый Археологический съезд в Тифлисе. I. Труды Предварительных Комитетов. М., 1882. С. 29-41.
27. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1993. С. 193.
28. Коллекции Кавказского музея. Том VI. Ч.I. Автобиография Г.М. Радде. Тифлис, 1912. С. 169.

29. Тифлис и его окрестности. Тифлис, 1913. С. 4-5.

References:

1. Collection of Caucasian Museum. Volume VI. H. I. Autobiography, M. Radde. Tiflis, 1912. С. 77.
2. The Imperial archaeological Commission. 1859-1917. SPb., 2009. S. 663.
3. Blah N. About. The role of educational institutions in the development of school education in the North Caucasus in the late 19th - early 20th century (article) //Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of business. - Volgograd, 2014. Vol. 1(26). С. 217-219.
4. Collection of Caucasian Museum. Volume VI. H. I. Autobiography, M. Radde. Tiflis, 1912. S. 77.
5. Photo archive IIMK. Inv. No. И42693.
6. Photo archive IIMK. Inv. No. И42696, И42697, И42698.
7. The Imperial archaeological Commission. 1859-1917. SPb., 2009. S. 663.
8. Krupnov E. I. Koban bronze // Around the world №1 (2532). January. 1970. С. 13-14.
9. Photo archive IIMK. 15. No. И 49987.
10. Collection of Caucasian Museum. Volume V. Archaeology. Tiflis, 1902. S. 12.
11. D. Anuchin Prehistoric archaeology of the Caucasus. // The journal of the Ministry of national education. In January 1884. T. V. 581. S. 201-237.
12. Catlanza L. Archaeological sites heavy metal (Kazbegi treasure). Tbilisi, 1976. S. 112.
13. Filimonov D. About prehistoric culture in Ossetia // anthropological exhibition of the society of lovers of natural science, anthropology and Ethnography 1879, so 2, PM, 1878. S. 79; E. Chantre Necropoles prehistoriques du Caucase renfermant des cranes macrocephales // Matériaux pour l'histoire de l'homme. 2 serie. Tom XII. 1881. P. 453-466; Uvarov P.F. Burial grounds of the North Caucasus // Materials on the archaeology of the Caucasus. M., 1900. S. 139-155; Tallgren A.M. Caucasian monuments. The Kazbek treasure // Eurasia septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1930, etc.
14. Collection of Caucasian Museum. Volume V. Archaeology. Tiflis, 1902. S. 12.
15. Photo archive IIMK. Inv. No. Q. 506/7.
16. Uvarov P.F. Burial grounds of the North Caucasus // Materials on the archaeology of the Caucasus. M., 1900. С. 139-155.
17. Catlanza L. Archaeological sites heavy metal (Kazbegi treasure). Tbilisi, 1976. S. 108, 109, 111, 113.
18. Kosenkova Century. And. Cultural and historical processes in the North Caucasus in the late bronze age and early iron age. M. 1996. S. 90.
19. Collection of Caucasian Museum. Volume V. Archaeology. Tiflis, 1902. S. 12.
20. Photo archive IIMK. Inv. No. Q506.38
21. Photo archive IIMK. Inv. No. Q. 506.52.
22. Photo archive IIMK. Inv. No. Q. 506.40.
23. Collection of Caucasian Museum. Volume V. Archaeology. Tiflis, 1902. С. 19.
24. The Imperial archaeological Commission. 1859-1917. SPb., 2009. S. 663.
25. Collection of Caucasian Museum. Volume VI. H. I. Autobiography, M. Radde. Tiflis, 1912. S. 116.
26. Berger A.N. Caucasus in archaeological terms. // The proceedings of the society of lovers of the Caucasian archaeology. Fifth Archaeological Congress in Tbilisi. I. Preliminary Works Committees. M., 1882. S. 29-41.
27. Kulikov A. M. of Oriental studies of the Russian legislation (the end of the XVII century - 1917). St. Petersburg, 1993. S. 193.
28. Collection of Caucasian Museum. Volume VI. H. I. Autobiography, M. Radde. Tiflis, 1912. S. 169.
29. Tbilisi and its surroundings. Tiflis, 1913. С. 4-5.

УДК 93.902

О первоначальном этапе сбора археологических коллекций Кавказского музея

Галина Николаевна Вольная (Керцева)

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация
362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Аннотация. Данная статья составлена на основе неопубликованных материалов из коллекции Кавказского музея и малоизвестных документальных источников. В ней говорится о первоначальной истории становления и развития Кавказского музея, ставшего впоследствии Музеем Грузии им. С.Н. Джанашия. Доказано, что Кавказский музей до сих пор представляет громадный интерес, как для деятелей науки, так и для туристов. Цель его учреждения состоит в исследовании Кавказского края и прилегающих к нему стран. Делаются выводы, что Музей до сих пор считается одним из лучших в России и очень важным учреждением.

Ключевые слова: археология; археологический съезд; бронзовые привески; Кавказский край; Кавказский музей; коллекционные находки; солярные амулеты; поясные пряжки; этнография.